

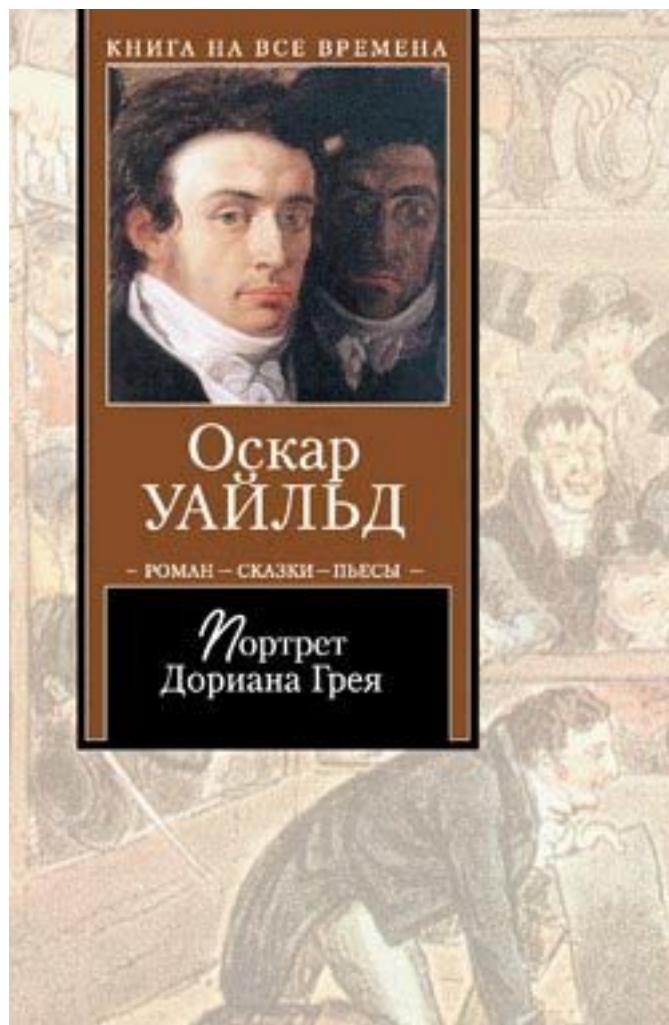
КНИГА НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Оскар
УАЙЛЬД

— РОМАН — СКАЗКИ — ПЬЕСЫ —

Портрет
Дориана Грея

Оскар Уайльд
Юный Король

«Public Domain»

Уайльд О.

Юный Король / О. Уайльд — «Public Domain»,

Перед вами – лучшее из творческого наследия великого Оскара Уайльда. Произведения, дающие наиболее полное представление о его ярком многогранном таланте. Изящные, призрачно-поэтические «символистские» сказки...

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Оскар Уайльд Юный Король

*Посвящается
Маргарет леди Брук
рани Саравака*

* * *

В ночь накануне того дня, когда была назначена коронация, юный Король сидел в одиночестве в своих прекрасных покоях. Все придворные попрощались с ним, отвесив по обычаю того времени земной поклон, и удалились в Большой зал дворца, чтобы выслушать последние наставления Профессора Этикета, поскольку некоторые из них все еще держались совершенно естественно, а это, надо вам заметить, весьма серьезный проступок со стороны придворного.

Их уход не вызвал сожалений у мальчика – ведь он и был всего только мальчиком шестнадцати лет от роду, – с глубоким вздохом облегчения откинулся он на мягкие подушки своего расшитого узорами ложа и лежал с испуганными глазами и приоткрытым ртом, словно смуглый лесной Фавн или молодое животное из заповедной рощи, только что пойманное охотниками.

А его и впрямь отыскивали охотники, случайно повстречавшие его, когда он, босоногий, со свирелью в руках, гнал стадо коз бедного пастуха, который его вырастил и сыном которого он всегда себя считал. Ребенок единственной дочери старого Короля от тайного брака с человеком много ниже ее по своему положению – чужеземцем, как утверждали одни, который волшебством – чудесной игрой на лютне – внушил любовь юной Принцессе; другие поговаривали о художнике из Римини, которому Принцесса оказала большую, может быть чересчур большую, честь и который внезапно исчез, так и не закончив своей работы в Соборе, – итак, ребенок единственной дочери старого Короля, когда ему исполнилась всего неделя, был похищен прямо от матери, пока она спала, и отдан на воспитание простому крестьянину и его жене, не имевшим своих детей и жившим далеко в лесу, откуда до города и за день не доедешь. Горе ли, или болезнь, как утверждал придворный лекарь, или же быстродействующий итальянский яд, подмешанный в бокал пряного вина, как полагали другие, убили невинную, что произвела его на свет, через час после ее пробуждения; и когда доверенный гонец Короля, увезший ребенка на луке седла, еще только склонялся с утомленной лошади и стучал в дверь убогой хижины пастуха, тело Принцессы уже опускали в свежерытую могилу на заброшенном кладбище за городскими воротами, где, как поговаривали, будто бы покоилось другое тело – того юноши дивной чужеземной красоты, и руки его были связаны за спиной веревкой, стянутой узлом, а на груди зияло множество кровавых ран, нанесенных кинжалом.

Во всяком случае, такую историю передавали шепотом люди из уст в уста. Несомненно лишь, что на смертном одре старый Король, то ли движимый раскаянием в содеянном им грехе, то ли не желая, чтобы королевство досталось человеку чужого рода, велел послать за мальчиком и перед лицом Совета провозгласил его своим наследником.

И кажется, будто с первого же мгновения, как он был признан, в нем проявились признаки того странного влечения к красоте, которому суждено было так сильно повлиять на его жизнь. Те, кто сопровождал его в отведенные ему покои, часто рассказывали, какой восхищенный возглас сорвался с его губ, когда он увидел приготовленные для него изысканные одеяния и дорогие украшения, с какой почти неистовой радостью он сбросил свою куртку из толстой кожи и грубый плащ из овечьей шкуры. Правда, временами он тосковал о своей привольной лесной жизни, и его неизменно сердили утомительные дворцовые церемонии, отни-

мавшие ежедневно столько времени, но чудесный дворец – дворец Joyeuse¹, как его называли, – владельцем которого он теперь стал, казался ему новым миром, заново украшенным по его велению, и, как только ему удавалось ускользнуть с заседания Совета или из зала аудиенций, он сбегал вниз по парадной лестнице с бронзовыми позолоченными львами и ступенями из чистого порфира и бродил по комнатам и переходам, словно человек, который надеется обрести в красоте некое утешающее боль снадобье, своего рода исцеление.

В этих путешествиях за открытиями, как он сам их называл – а для него это и впрямь были дивные странствия по дивной стране, – его иногда сопровождали стройные белокурые пажи в развевающихся накидках и ярких трепещущих лентах, но чаще он ходил один, каким-то чутьем, которое сродни пророческому дару, угадав, что тайны искусства лучше всего постигаются втайне и что, подобно Мудрости, Красота любит одиноких почитателей.

Много забавных историй рассказывали о нем в эту пору. Говорили, будто дородный Бургомистр, явившийся, чтобы произнести цветистую речь – приветствие от имени жителей города, – застал его коленапреклоненным и замеревшим в истинном восхищении перед огромной картиной, которая была только что доставлена из Венеции и, видимо, предвещала поклонение каким-то новым богам. В другой раз он пропадал несколько часов, и после длительных поисков его обнаружили в маленькой комнатке в одной из северных башен дворца – он словно в трансе рассматривал греческую гемму с фигурой Адониса. Ходила молва, будто видели, как он своими теплыми губами припал к мраморному челу античной статуи, которую нашли на дне реки при сооружении каменного моста и на которой было высечено имя вифийского раба императора Адриана. Он провел целую ночь, созерцая игру лунного света на серебряном изваянии Эндимиона.

Его, безусловно, очаровывали все редкие и дорогие вещи, и, сгорая от желания получить их, он разослал повсюду множество купцов: к диким рыбакам северных морей – за янтарем, в Египет – за той странной, зеленой бирюзой, что находят лишь в царских гробницах, в Персию – за шелковыми коврами и расписными сосудами, в Индию – за кисеей и разрисованной слоновой костью, за лунным камнем и браслетами из яшмы, за сандалом, голубой эмалью и шальями из тонкой шерсти.

Но больше всего занимали его сотканная из золотых нитей мантия, которую ему предстояло надеть на коронацию, корона с рубинами и скипетр, усыпанный жемчугом, выложенным рядами и кругами. Об этом он как раз и думал в ту ночь, раскинувшись на роскошном ложе, глядя на огромное сосновое полено, догоравшее в камине. Много месяцев назад ему доставили эскизы, принадлежавшие кисти знаменитейших художников того времени, и он повелел, чтобы ремесленники трудились день и ночь, стараясь их воплотить, и чтобы по всему свету искали драгоценные камни, которые были бы достойны их работы. В своем воображении он увидел себя перед высоким алтарем в соборе в прекрасном королевском облачении, и улыбка заиграла на его детских губах и не сходила с них, ярким сиянием озаряя его темные лесные глаза.

---

¹ Радости (фр., букв.: Радостный).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.